

модой, действующей на протяжении ряда лет или даже десятилетий. Эта мода актуальна для некоторого ряда смежных когорт, которые в быту условно называются, скажем, «поколением таких-то годов», но на самом деле меньше, чем поколение. Такая большая когорта может сменить свою моду по мере своего взросления, может пронести привязанность к ней через всю жизнь, но в любом случае сохраняются межкогортные различия в ориентациях и формах поведения, лежащих за пределами общечеловеческой традиции.

В пресловутом «конфликте отцов и детей» чаще всего «детей» обвиняют в отказе от традиций «отцов», и чаще всего несправедливо: традиции они продолжают те же самые, но следуют другой моде.

Помимо этнических традиций, в еще более широком плане существуют традиции регионально-эпохальные. При этом, если применительно к моде масштаб эпохи — это годы, максимум десятилетия, то эпоха традиции охватывает столетия. В этом смысле можно говорить о традициях эпохи Ренессанса, первоначального накопления, Великих географических открытий и т. д. Разумеется, традиции, характерные для этих эпох, охватывали не все население региона (в данном случае Европы), но так или иначе оказывали свое воздействие в данном регионе решительно на всех. На протяжении двух последних веков одной из важнейших традиций такого рода была все более широко распространяющаяся традиция ориентации на урбанизацию и индустриализацию всех сторон жизни, охватывающих как производство, так и потребление. В то же время не исключено, что в обозримом будущем для решения комплекса встающих перед человечеством проблем (энергетических, продовольственных, проблем охраны окружающей среды и др.) в ряде регионов мира необходимо будет перейти к политике определенной дезиндустриализации и дезурбанизации, как в сфере производства, так и еще более в сфере потребления и жизнеобеспечения; потребуются отход от традиций ориентации на экспоненциальный рост потребления энергии и сырья и ряда других традиций сходного порядка. Безусловно, эти традиции присущи прежде всего буржуазному обществу, пресловутому «обществу потребления», но очевидно также, что они, с одной стороны, имеют тенденцию к распространению в развивающихся странах, с другой — не изживаются автоматически с победой социализма. Поэтому проблема прогнозирования развития традиций и управления этим развитием, поставленная в статье Э. С. Маркаряна, представляется весьма актуальной.

К. С. Сарингулян

О РЕГУЛЯТИВНЫХ АСПЕКТАХ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Способности культуры к репродуцированию своих собственных уже сложившихся форм и к продуцированию новых форм, соответственно изменяющимся условиям жизнедеятельности людей, являются базовыми характеристиками культуры как таковой. Именно благодаря сбалансированному единству этих характеристик культура выполняет главное, сущностное свое предназначение — служить способом (системой средств и механизмов) специфически человеческой адаптации к действительности. Воплощая в себе репродуктивное начало культуры, культурная традиция включена тем самым в осуществление этой ее генеральной адаптивной функции. Традиция обеспечивает один из существенных моментов такой адаптации — момент стабилизации сложившихся в рамках той или иной человеческой общности форм социальной практики. Согласно точке

жизни, выступая в качестве механизма аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии стереотипизованного социального опыта.

Намечаемый таким образом широкий теоретический подход к осмыслению культурной традиции ценен, на наш взгляд, прежде всего тем, что он адекватен реальному месту и значению данного феномена в системе культуры. Вопреки распространенным в научном и повседневном речевом обиходе семантически ограниченным вариантам использования понятия «традиция», указанный подход позволяет закрепить за этим понятием вполне заслуженный им статус фундаментальной категории культуроведения, обозначающей не какое-либо парциальное в том или ином отношении, а определенное универсальное измерение культуры.

Традиция присутствует и действует на всех исторических стадиях развития культуры, в культурах любого типа и во всех сферах общественной жизни. Необходимо теоретическое изучение многообразных форм проявления и способов реализации традиции, детализация научных представлений о ее структурных и функциональных характеристиках. Расширение семантического объема понятия «традиция», не сопровождаемое такого рода исследовательской работой и остающееся на уровне всеобщих определений, независимо от характера наших намерений привело бы к утрате данным понятием всякого операционального значения.

Понятие «традиция», выступая в качестве родового, обнимающего собой весь обширный класс социально стереотипизованных форм деятельности, естественно, должно быть по возможности четко и однозначно соотнесено с другими понятиями, обозначающими некоторые входящие в этот класс частные разновидности стереотипизованных форм деятельности. Так, по примерной схеме «род — вид» должны строиться, на наш взгляд, взаимоотношения между понятиями традиции и обычая, традиции и ритуала, традиции и моды и т. п. Между тем в настоящее время в литературе, посвященной культуроведческим проблемам, указанные понятия либо никак не соотносятся между собой, выстраиваясь в монотонный ряд риторического перечня, либо же соотносятся, как правило, на основе ошибочных узких интерпретаций понятия «традиция». При сопоставлении с другими родственными ей понятиями традиция обычно представляется как некоторый частный способ социальной стереотипизации деятельности, направленный на программирование либо общих целевых установок последней, либо ее конкретных поведенческих деталей (см., например, приводимые в статье Э. С. Маркаряна точки зрения И. В. Суханова и Д. М. Угриновича).

Задача адекватного осмысления понятия культурной традиции как родового, обнимающего собой все возможные формы социально организованной стереотипизации человеческой деятельности, требует, по нашему мнению, особого внимания к изучению регулятивных аспектов традиции — форм и способов поведенческой реализации стереотипов социального опыта. Думается, что именно на этом пути может успешнее всего осуществляться разработка иерархической системы понятий, выражающих различные общие и частные проявления феномена культурной традиции. А лишь наличие такой системы является единственно надежной гарантией того, что предельно широкая теоретическая концепция традиции будет иметь операциональное значение для практики культуроведческих исследований.

Центральным понятием, выражающим регулятивную ипостась традиции, является понятие *культурной нормы*. Любая единица аккумулируемого и транслируемого традицией социального опыта, или, говоря иначе, любой составляющий содержание традиции стереотип деятельности, коль скоро мы рассматриваем его под углом зрения того, как он реали-

зуется в деятельности людей, что обеспечивает его массовое принятие и устойчивую повторяемость, выступает как норма. Лаконично эту мысль можно сформулировать так: культурная норма есть регулятивное выражение культурного стереотипа.

Как и в случае с понятием традиции, обрисованное выше предельно широкое понимание культурной нормы сталкивается с практикой ограничительных трактовок данного явления. Укажем на некоторые наиболее типичные примеры таких трактовок.

Во-первых, это представление нормы исключительно как факта сознательного общественного волеизъявления, резюмированного в виде определенной словесной формулы-императива. Чистым выражением нормы в таком ее понимании являются правовые нормы, по отношению к которым все прочие виды социальных норм иногда даже квалифицируются в качестве «вторичных» или «производных»¹. За бортом описанного понимания культурных норм оказывается обширный массив норм (этикетные нормы, нормы невербальной коммуникации и т. д.), функционирование которых совсем или почти совсем не предполагает осознания и вербализации заложенных в них поведенческих стереотипов.

Другим сходным с описанным выражением ограничительного понимания сущности культурной нормы является противопоставление нормы обычаю как якобы ненормативному регулятору деятельности. «Обычаи и традиции,— пишет, например, Е. М. Пеньков,— в процессе развития общества уступили место социальным нормам, поддерживаемым общественным мнением, а позднее и государственной властью»². Легко заметить, что в основе данного высказывания имплицитно лежит то же сведение нормы к вербальной формуле-императиву, о которой говорилось выше. Обычай, конечно же, нормирует человеческую деятельность, подчиняет ее традиционно выработанным стереотипным образцам, хотя и делает это особым образом. Специфика нормативной регуляции, осуществляемой обычаями, состоит: а) в синкретности задаваемой им программы деятельности, нерасчлененности этой программы соответственно цели, средствам и результатам деятельности; б) в ситуативном характере предписываемых обычаями норм, в их привязанности к конкретному поведенческому контексту; в) в доминировании имитационных и эмоционально-психических механизмов усвоения и реализации норм и т. д.

Третий типичный вариант ограничительного понимания культурной нормы состоит в сужении сферы ее действия пределами внешних, исполнительских сторон деятельности, в выключении из этой сферы явлений мотивации поведения. Именно по такому основанию чаще всего и проводится разграничение и противопоставление понятий *нормы* и *ценности*³. Если исходить из того соображения, что стереотипы культуры формируют не только экстерioresные, но и интерioresные стороны человеческой деятельности, что они задают людям не только определенные образчики действий, но и стандарты их убеждений, верований, предпочтений, склонностей и т. п., то станет ясным, что противопоставление норм ценностям безосновательно. Сами ценности суть не что иное как специфическая разновидность норм, которую можно в отличие от *исполнительских* норм наименовать *мотивационными* нормами.

Предложенный здесь набросок понимания культурной нормы может служить, на наш взгляд, примерной моделью того, в каком русле должна идти разработка и других составляющих понятийной системы, призванной служить многомерному исследованию культурной традиции.

¹ М. И. Бобнева. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978, с. 4.

² Е. М. Пеньков. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972, с. 16.

³ См., например, А. А. Фучка. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976.